

В. Т. ПЕТРИН, Н. Г. СМИРНОВ

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ГРОТАХ СРЕДНЕГО УРАЛА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПАЛЕОЛИТОВЕДЕНИЯ УРАЛА

Исследование уральского палеолита, начавшееся в предвоенные годы¹ и успешно продолжающееся², позволило дать характеристику интересным и своеобразным памятникам и явлениям и высказать ряд оригинальных гипотез. Тем не менее даже самые общие контуры палеолита Урала до сих пор не ясны. Такие принципиальные вопросы, как закономерности распространения памятников и развития материальной культуры, не решены.

Изученные палеолитические памятники за небольшим исключением располагаются в пещерах. Урал — горная страна с развитыми карстовыми процессами³. Пещеры и другие проявления карста хорошо известны еще с XVIII в. И хотя карст довольно равномерно распространен, подавляющее большинство изученных палеолитических памятников расположено на западном склоне и Южном Урале. Восточному склону внимания уделялось меньше, хотя археологическое изучение уральских пещер началось здесь раскопками Сухоложской пещеры⁴, ныне известной как пещера Гебауэра. И в наше время пещеры восточного склона изучались также в малом объеме⁵.

Наши работы в августе 1974 г. в трех гротах Сухоложско-Каменского карстового района преследовали цель получения нового палеолитического материала из этой малоизученной части Урала (рис. 1-А). Этот район выбран потому, что здесь находится пещера Гебауэра и множество еще не изученных карстовых полостей⁶.

Грот Безымянный. Он расположен на левом берегу р. Пышмы на 1,5 км ниже г. Сухой Лог (рис. 1-А). Разведочные работы были проведены здесь еще в 1967 г.⁷ Грот представляет собой устье карстовой полости, которая начинается в 40—50 м от края плато ныне не действующей воронкой. Воронка и грот соединены относительно узким ходом, развитым преимущественно в вертикальной плоскости (максимальная ширина 1,5 м, высота 3 м). Ход прослеживается от конца грота на 15 м, остальное заполнено глинистыми и щебеночными отложениями. Благодаря остаткам, указывающим на коррозионно-эрозийный тип полости, можно говорить о начале активного функционирования грота. Оно совпадает с периодом, когда уровень реки был на 5,5—8,5 м выше современного. О таком подъеме воды свидетельствует илистый слой,

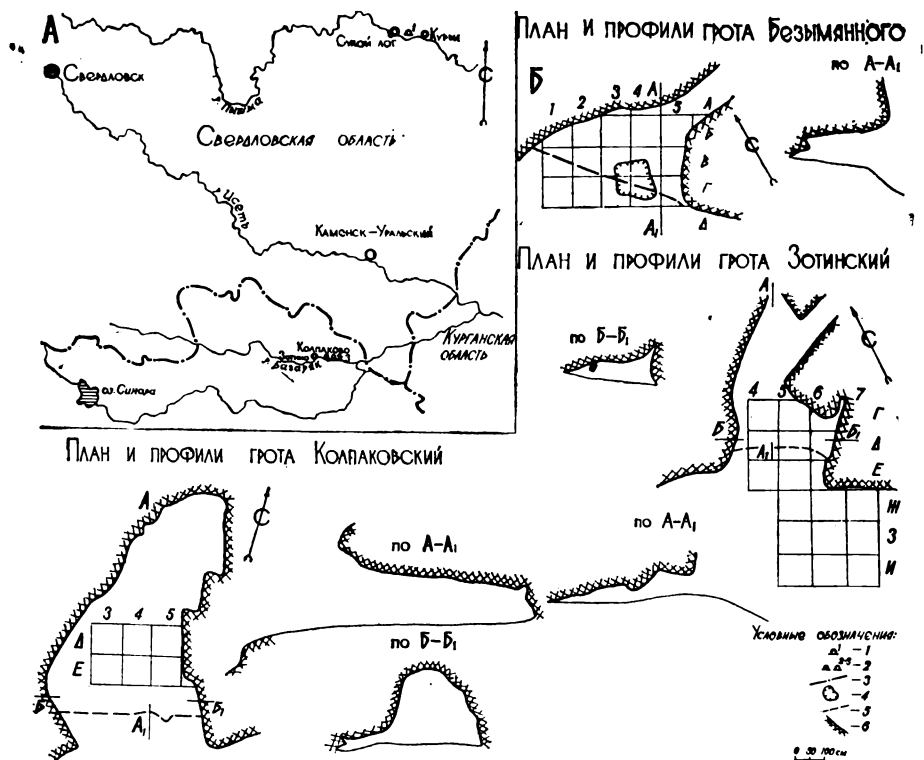

Рис. 1. А — схема расположения раскопанных гротов; Б — планы и профили гротов: 1 — грот Безымянный; 2 — гроты Зотинский I и Колпаковский; 3 — границы областей; 4 — яма; 5 — линия навеса; 6 — скала.

лежащий на скальном основании. Современные размеры грота незначительны: 3×5 , $5 \times 1,5$ м. Рыхлые отложения находятся в основном под скальным козырьком и сразу же переходят в осыпь.

Раскоп вскрыл около 16 м^2 (рис. 1-Б). Он захватил старую кладовищную яму. Найденное на поверхности орудие (рис. 6-1) выброшено, очевидно, из нее. Известковые образования на поверхности орудия могут указывать на происхождение его из глинистого слоя. На предметах из более поздних слоев таких образований не отмечено. Оттуда же, наверное, происходит обломок наконечника из кости (рис. 7-7). Максимальная мощность вскрытых отложений равна $2,9 \text{ м}$. При этом наблюдалась следующая стратиграфия (рис. 2):

1. Гумусированный слой со щебенкой, мощность до $0,65 \text{ м}$.
2. Гумусированный слой серого цвета, мощность до $0,5 \text{ м}$.
3. Золистый слой светло-серого цвета, мощность до $0,1 \text{ м}$.

4. Супесь желтого цвета с углистой прослойкой в нижней части, мощность до $0,05 \text{ м}$. Общая мощность слоя $0,7 \text{ м}$.

5. Красная глина со щебенкой, мощность до 1 м.
6. Илистый слой зеленоватого цвета, лежащий на скальном основании, мощность 1,2 м.
7. Глина оранжевого цвета, встречена на некоторых участках скального основания, мощность до 0,4 м.
8. Щебеночный слой, встречен на некоторых участках скального основания, мощность до 0,4 м.

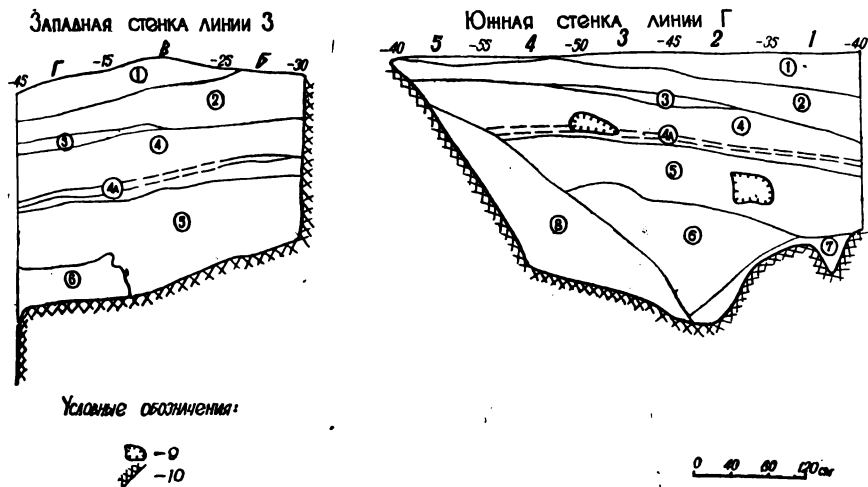

Рис. 2. Профили отложений грота Безымянный. 9 — глыба; 10 — скала.

Культурные остатки зафиксированы в гумусированных слоях на глубине до 0,8 м и в слое красной глины на глубине от 1,05 до 2,4 м. Эти два горизонта разделены слоем желтого песка, мало насыщенным костями. Углистая прослойка находок не содержала.

В гумусированном слое найдено значительное количество костей различных животных, преимущественно грызунов. Судя по видимому составу и сохранности, это остатки пищи лисиц. Здесь же лежали шлифованное орудие, ножевидная пластина и костяная проколка.

В слое красной глины обнаружены целые и разбитые кости, мощность этого костяного горизонта колеблется от 0,4 до 1 м. Нуклеус и фрагменты костяных изделий лежали в этом горизонте на глубине от 1,83 до 2,11 м (рис. 3). Следов огня, остатков бытовых объектов не отмечено. Основная часть находок сосредоточена на уч. Б/3—5, т. е. в пределах скального навеса.

Вещевой комплекс из верхнего гумусированного слоя. Тесло изготовлено из зеленоватой сланцевой породы. Поверхность его когда-то была полностью отшлифована, сейчас она покрыта сколами, нанесенными по двум боковым граням в одной плоскости. Лезвие и пяточная часть имеют сильную забитость, заходящую на боковые грани. Поперечное сечение лезвия близко восьмиугольнику.

Ножевидная пластинка из зеленой кремнистой породы. На одной плоскости спинки сохранилась желвачная корка. Брюшко пластинки обработано приостряющей длинной ретушью. Мелкая ретушь со спинки нанесена лишь у самого края (рис. 6-3).

Проколка сделана из грифельной кости. Острие в сечении округлое, очень сильно заполировано, как и прилегающие к нему части. Низ проколки порист (рис. 7-6).

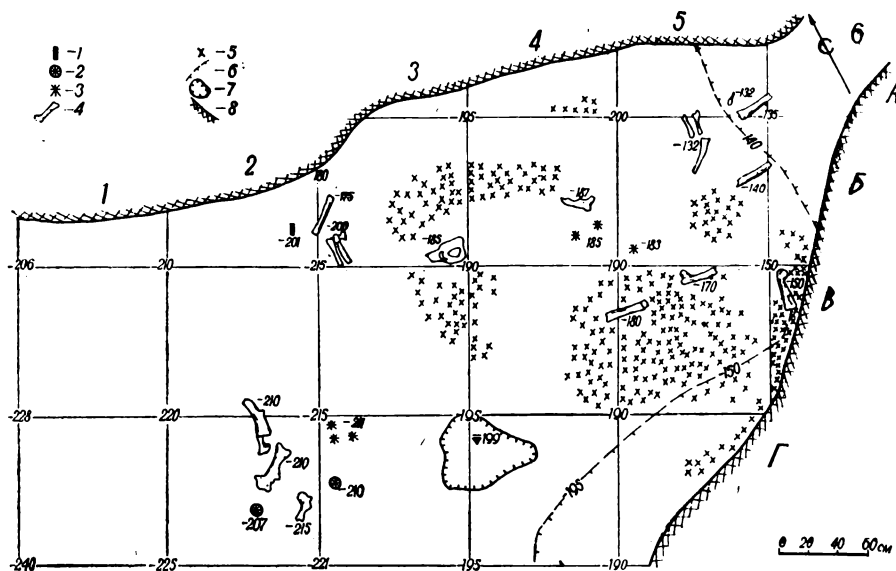

Рис. 3. План палеолитического горизонта грота Безымянный
1 — нуклеус, 2 — костяное орудие, 3 — костяное украшение, 4 — крупные кости, 5 — мелкие кости, 6 — граница распространения красной глины, 7 — поздняя яма, 8 — скала.

Малочисленность находок не дает возможности достоверно определить их возраст. Можно лишь предполагать, что они относятся к эпохе неолита.

Вещевой комплекс из нижнего слоя красной глины. Одноплощадочный нуклеус изготовлен из серой кремнистой породы (окремненный известняк). Большая часть нуклеуса покрыта желвачной коркой. Скалывание производилось примерно с $\frac{1}{3}$ окружности. Ребро, образованное плоскостью скалывания и той, с которой не скалывали ножевидных пластин, обработано поперечными сколами. На ударной площадке видны негативы трех крупных сколов, негативы мелких сколов видны лишь там, где скалывали пластины. Основание нуклеуса покрыто известковым налетом, но даже через него прослеживается забитость (рис. 6-2).

Орудие сделано на пластине из зеленой кремнистой породы. Пласти-

на, возможно, сколота не с призматического нуклеуса. Обе длинные грани обработаны ретушью со спинки. Ретушь варьирует от крутой при- тупляющей в верхней до приостряющей в нижней части пластины. Рету- шированные края волнисты. На поверхности орудия известковые нате- ки (рис. 6-1).

Сделать определенные выводы о каменном инвентаре по двум пред- метам трудно. Укажем характерные, на наш взгляд, черты: низкакаче- ственность исходного сырья, одноплощадочность нуклеуса, техника по- лучения крупных пластин.

В красной глине собрано 10 костяных предметов, один найден на поверхности.

Четыре обломка удалось соединить. Три других, судя по форме, также относятся к одному изделию. Таким образом, костяной комплекс представлен шестью изделиями, 4 из них могут быть отнесены к укра- шениям и 2 — к орудиям.

Самым замечательным является изделие, имеющее изящные и слож- ные очертания, возможно, стилизованное изображение животного. Оно сделано из очень тонкой пластинки (бивня?). Поверхность очень хоро- шо отшлифована, края заглажены. Шлифовку удастся проследить на участках, лишенных дендритов, которыми покрыто изделие. Судя по форме, расположению изломов на выступах, можно предположить, что это навершие какого-либо украшения. Та вещь, которой оно принадле- жало, из-за хрупкости не могла использоваться в производственных процессах (рис. 7-1).

Фрагмент следующего изделия имеет прямоугольную форму. Он из- готовлен из бивня, поверхность его заглажена, на ней видны попереч- ные царапины. Торцевые стороны имеют следы пиления. Исходя из про- дольного и поперечного сечений, можно предположить, что это обломок или часть браслета, может быть, накладка, что менее вероятно (рис. 7-4).

Третье изделие представлено тремя обломками. Оно изготовлено из бивня, поверхность его хорошо отшлифована. Поперечные сечения об- ломков имеют овальную форму (рис. 7-3).

Для изготовления крупной бусины использована трубчатая кость. Поверхность отшлифована, губчатое вещество просверлено. По харак- терному расширению отверстия на выходе можно предположить, что она носилась на ремешке (рис. 7-2).

У орудия, использовавшегося в качестве проколки, рабочим краем служило острое, полученное при случайном раскалывании. Ложбинки, нанесенные по обеим плоскостям, явно не связаны с функцией орудия и являются остатком операции членения кости на заготовки (рис. 7-5).

Обломок, найденный на поверхности, являлся частью колющего ору- дия. Оно изготовлено из крупной трубчатой кости. Поскольку орудие лежало вне слоя довольно длительное время, установить технику его обработки нельзя (рис. 7-7). Характеризуя костяные орудия в целом, отметим очень высокую технику изготовления. Особенно хорошо это видно на примере украшений. Они обработаны с использованием при- емов шлифования и сверления. Форма изделий близка к совершенству.

Характер остатков подчеркивает кратковременность посещения грота небольшой группой людей. Потеряв несколько вещей из обычного набора, люди покинули грот. Этому как будто бы противоречит мощность слоя, насыщенного костями, которая составляет более 1 м. Это, кстати, характерно и для других пещер Урала.

В качестве вероятного объяснения мы предполагаем: костяные изделия и каменные орудия в гроте Безымянном, несомненно, принадлежащие одному комплексу, остались от одного из многочисленных посещений. Многочисленность кратковременных посещений установлена в Ключевой пещере⁸. В большинстве случаев при посещении люди оставляли только разбитые кости животных.

Коснемся вопроса о соотношении культурного слоя грота Безымянного и находок, сделанных в верхних горизонтах пещеры Гебауэра, находящейся в 3 км вверх по течению. Костяные изделия, найденные в обоих памятниках, могут указывать, что эти карстовые полости посещались людьми примерно в одно и то же время. Видимо, в пещере Гебауэра обнаружен был и более древний пласт находок. Мы имеем в виду предметы, найденные в слое А⁹.

Палеофаунистические остатки из слоя красной глины. Обнаружено двенадцать видов млекопитающих — 378 диагностированных костей минимально от 37 особей, а также 26 костей птиц и 2 кости рыб.

Сохранность остеологического материала может характеризоваться степенью раздробленности костей и их механической прочностью. Извлечение костей, как и их мелких фрагментов, не представляло особой сложности: они достаточно прочны и хорошо минерализованы. Очевидно, потери материала за счет химического разложения костей не происходило. Все крупные кости конечностей разбиты, вероятно, еще древними обитателями. Толща осадков почти не содержала крупных известковых глыб, поэтому случаев разрушения костей в результате обрушения сводов отмечено не было. Тем не менее только 49% остатков удалось определить с точностью до вида. Остальное составляют мелкие, трудно поддающиеся диагностированию фрагменты, а также позвонки, ребра и их части.

Видовой состав может быть использован для датировки памятника. Три вида: шерстистый носорог, пещерный медведь и первобытный бизон — вымерли на земле вообще, а остальные, за исключением зайца, волка и лисицы, на данной территории сейчас не обитают. Присутствие в одном комплексе животных, обитающих теперь в разных природных зонах (северный олень, песец — типичные тундровые и лесотундровые формы; сурок, сайга, лошадь — степные и лесостепные), придают ему характер смешанной фауны позднего плейстоцена. На позднепалеолитический возраст данного комплекса указывает также наличие вымерших видов. Подобный фаунистический комплекс известен в многочисленных палеолитических памятниках самых различных районов Северной Евразии, в том числе на смежных со Средним территориях Северного и Южного Урала (табл. 1).

Грот Зотинский I. Он залегает в известняках левого берега р. Багаряк, в 2—2,5 км ниже по течению от с. Зотино Каслинского района

Таблица 1

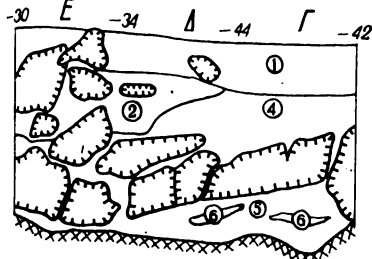
Видовой состав млекопитающих и количество остеологического материала
из палеолитических слоев гротов Зотинский I и Безымянный

Вид млекопитающих	Грот	
	Безымянный	Зотинский I
Волк	$\frac{8^*}{2}$	$\frac{2}{1}$
Лисица	$\frac{7}{2}$	—
Песец	$\frac{15}{7}$	$\frac{14}{4}$
Пещерный медведь	$\frac{7}{-1}$	$\frac{15}{1}$
Росомаха	$\frac{2}{1}$	—
Сайга	$\frac{25}{2}$	$\frac{37}{4}$
Северный олень	$\frac{123}{8}$	$\frac{134}{6}$
Первобытный бизон	$\frac{21}{2}$	$\frac{46}{2}$
Лошадь	$\frac{96}{4}$	$\frac{472}{14}$
Шерстистый носорог	$\frac{8}{1}$	$\frac{17}{2}$
Заяц	$\frac{47}{4}$	$\frac{13}{5}$
Сурок	$\frac{19}{3}$	$\frac{10}{2}$
Всего	$\frac{378}{37}$	$\frac{750}{41}$

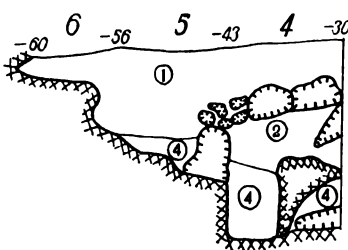
* В числителе — количество костей, в знаменателе — минимальное количество особей

Челябинской области (рис. 1-А). Расположен грот на 9,5—11 м выше межленного уровня. Его вход ориентирован на юго-запад. Предвходовая площадка очень круто падает к реке. Размеры грота очень незначительные, находиться в нем можно только в полусогнутом положении. Пол грота слегка понижается в глубину. Все вместе создает впечатление, что эта полость очень неудобна и не приспособлена даже для кратковременной остановки.

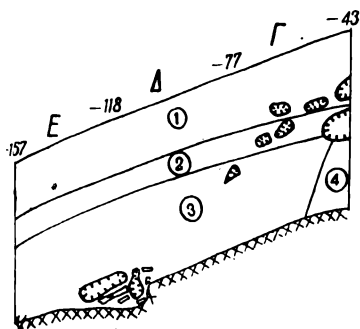
Северо-западная стенка линии 4,
раскоп под навесом
грот Зотинский

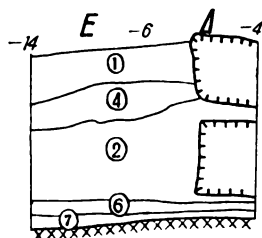
Юго-западная стенка линии Е.
раскоп под навесом
грот Зотинский

Северо-западная стенка линии 5
на предвходовой площадке
грот Зотинский

Западная стенка линии 3
грот Колпаковский

0 40 80 120 см

Рис. 4. Профили отложений гротов Зотинский I и Колпаковский

Вскрыто около 18 м²: на предвходовой площадке 9 м², остальное в гроте. Стратиграфия раскопов различается из-за условий накопления отложений. На предвходовой площадке наблюдалось следующее (рис. 4):

1. Гумусированный слой со щебенкой, мощность до 1 м.
2. Пепельно-серый глинистый слой со щебенкой, мощностью до 0,5 м.
3. Светло-коричневый слой глины со щебенкой, мощность до 0,85 м.

Разбитые и целые кости плейстоценовых животных встречались во всех слоях, особенно много их было в нижнем. В гумусированном слое найдены фрагменты керамики раннего железного века, два каменных изделия и несколько костей человека. Очевидно, что культурные остатки на предвходовой площадке переотложены. В гроте наблюдалась иная стратиграфия (рис 4):

1. Гумусированный слой с небольшим количеством щебенки, мощность до 0,7 м.
2. Пепельно-серый глинистый слой наблюдается около выхода, мощность до 0,65 м.

3. Слой желтой глины, мощность до 0,95 м.
4. Темно-бурый глинистый слой, мощность до 0,47 м.
5. Прослой желто-рыжего суглинка, включен в слой 4, мощность 0,07 м.

Раскоп был заполнен большим количеством крупных глыб. Очень условно можно выделить 2 горизонта глыбового навала: первый под слоем 1, второй в основании слоя 3, на слое 4.

На поверхности в гумусированном слое найдено множество костей мелких грызунов. Это остатки пищи лисиц, использовавших грот в качестве убежища. Верхний слой очень сильно перемешан, в него попали вещи из более глубоких слоев. Это, прежде всего, касается шести каменных изделий, найденных в нижнем горизонте. О перемешанности верхнего слоя говорит присутствие в нем единичных костей четвертичной фауны. В гумусированном слое найдено 76 фрагментов керамики раннего железного века, 2 костяных наконечника и разрозненные кости скелета человека. Видимо, здесь фиксируются остатки разрушенного норами погребения.

В нижних слоях были встречены многочисленные разбитые и целые кости древних животных. Особенно много их было в желтой глине на глубине от 0,85 до 1,97 м. В этом же слое на глубине от 1,75 до 1,9 м найдено 6 каменных изделий (рис. 5). Перемещение предметов из гумусированного слоя так далеко вниз едва ли возможно. Основанием такого суждения является положение орудия и резцового скола с него. Они лежали на разных участках, но на одной и той же глубине. Предположить, что они попали сюда сверху, трудно.

Описание вещевого комплекса¹. Каменный инвентарь насчитывает 12 изделий: комбинированное орудие, 2 нуклевидных скола, 2 ножевидные пластины, 5 отщепов и 2 резцовых скола. Все они сделаны из зелено-красной яшмы.

Комбинированное орудие сделано на ножевидной пластинке, сколотой, судя по расположению ударного бугорка и негативов на спинке, с призматического двухплощадочного нуклеуса. Одна боковая грань снята резцовым сколом до конца, следующим небольшим сколом (длина 9,5 мм) образован угловой резец. На его рабочем крае видна смятость. Другая грань снята резцовым сколом до половины, после чего двумя небольшими резцовыми сколами (длина наибольшего 7 мм) образован рабочий край второго резца. Ниже эта грань обработана приотстригающей ретушью со спинки. Удалось найти отщеп, получившийся от первого удара, на нем фиксируется продолжение ретуши, которая не доходит до конца пластины на 19 мм. На торце имеется крутая ретушь, которая также нанесена со спинки. Видимо, эта часть выполняла функции скребка. Таким образом, на этом орудии присутствуют рабочая грань ножа, резца, скребка и, возможно, резчика. Выполнению последней функции мог служить угол между ретушированными боковой и торцевой гранью (рис. 6-7).

---

¹ Описание вещей раннего железного века опускается.

Вертикальный скол мог образоваться от неудачного удара с целью получения ножевидной пластины. На спинке скола 4 негатива разной ширины. Мелкая ретушь, нанесенная с брюшка, образует волнистый рабочий край (рис. 6-10).

Вертикальный нуклеидный скол, видимо, происходит от двухплощадочного призматического нуклеуса с очень правильными негативами от сколов. Частично сохранившаяся ударная площадка имеет подработку мелкими сколами и от края как бы снижается к центру нуклеуса (рис. 6-8).

Ножевидная пластинка сохранилась почти полностью. На ее спинке 4 негатива. Боковые грани имеют выщербины и эпизодическую ретушь (рис. 6-7). В коллекции имеется 2 обломка ножевидных пластинок (рис. 6-6, 9). Резцовый скол обработан мелкой ретушью на всем протяжении одной грани. Судя по ретуши на одной грани, он являлся обломком орудия. Он подобен описанному выше резцовому сколу комбинированного орудия. Имеет следы сработанности по острому краю (рис. 6-4).

Четыре отщепов различной формы имеют желвачную корку. Один из них имеет подработанную мелкой ретушью боковую грань.

Общими чертами данного комплекса являются: использование зелено-красной яшмы, призматических двухплощадочных нуклеусов, различных типов ножевидных пластинок, обработка ретушью преимущественно с брюшка, нанесение длинных резцовых сколов и подновление их более мелкими, использование узкой грани после ретушировки в качестве скребка, присутствие развитых форм каменного инвентаря, изготовленного на высоком технологическом уровне.

Данный комплекс обнаруживает некоторое сходство в технике обработки и исходном сырье с орудиями позднепалеолитического памятника Шикаевка¹⁰.

Палеофаунистические остатки из слоя желтой глины. Osteологическая коллекция насчитывает 750 определимых костей млекопитающих минимально от 41 особи десяти видов (табл. 1).

Культурный слой был чрезвычайно насыщен, пространство между глыбами представляло собой сплошную костяную брекчию. Извлекались и документировались все остатки животных, кроме самых мелких

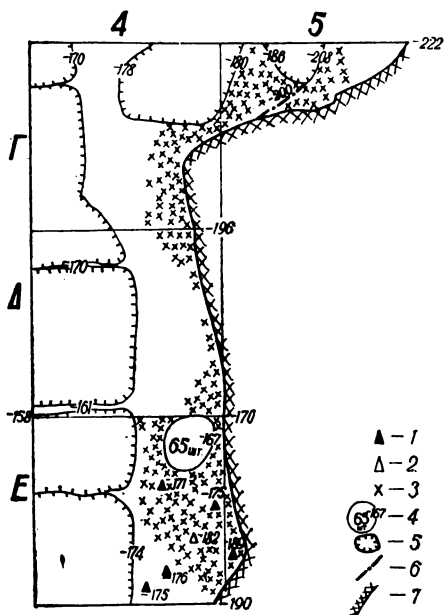

Рис. 5. План палеолитического горизонта грота Зотинский I

1 — каменное изделие, 2 — отщеп, 3 — мелкие обломки костей, 4 — скопление обломков костей, 5 — глыбы, 6 — граница распространения желтой глины, 7 — скала.

осколков костей. Ребра, позвонки и их фрагменты вошли в состав костей, диагностировать которые не удалось. Кости животных в той или иной мере разрушены. Это объясняется не только тем, что древние охотники разбивали крупнотрубчатые кости для извлечения костного мозга. В ходе раскопок часто обнаруживались раздробленные кости,

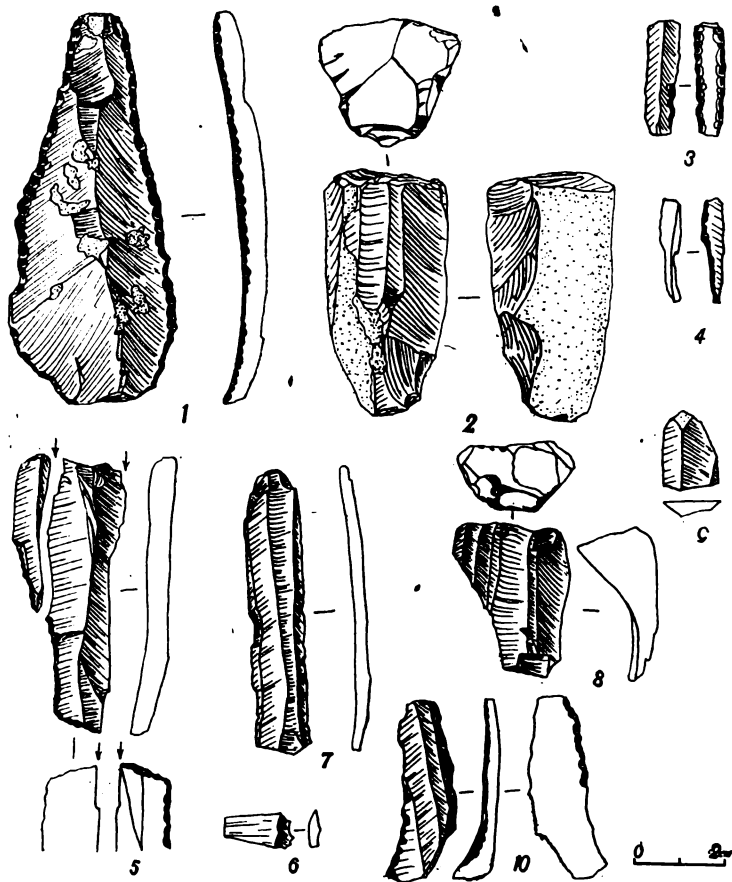

Рис. 6. Каменные изделия гряда Безмянный — 1, 2, 4; гряда Зотинский I — 3, 5—8.

лежавшие под известняковыми глыбами или между ними. Вероятно, в процессе обрушения сводов часть материала была раздроблена, за счет чего доля неопределенных костей в гроте Зотинском I оказалась выше, чем в Безмянном. Как и в гроте Безмянном, здесь найдены остатки видов, служивших индикаторами верхнепалеолитического возраста — пещерный медведь, первобытный бизон и шерстистый носорог. Общий облик фауны также аналогичен выявленному в гроте Безмян-

ном. Это та же смешанная фауна, типичная для позднего плейстоцена северных и умеренных широт северного полушария.

Таким образом, датировка отложений, содержащих археологический и остеологический материалы, по определенной фауне, как в гроте Зотинском I, так и Безымянном, на наш взгляд, не вызывает сомнений. Оба памятника могут быть отнесены к позднему палеолиту.

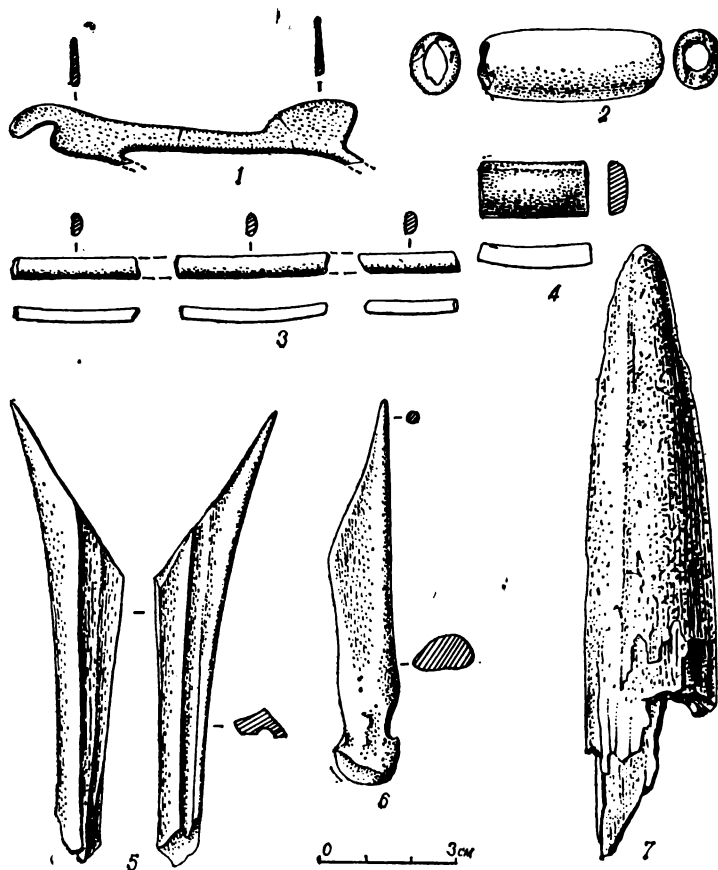

Рис. 7. Костяные изделия грота Безымянный

Грот Колпаковский. Одновременно с работами в Зотинском I раскапывался Колпаковский грот, расположенный на том же берегу в 1,5 км ниже по течению. Он лежит на уровне 25 м от поверхности воды. Вход экспонирован на юг. Предвходовая площадка отсутствует. Грот имеет следующие размеры: длина 7,5 м, ширина 5 м, высота 2,5 м. Он удобен для обитания. Раскопом вскрыто около 16 м², наблюдалась следующая стратиграфия (рис. 4):

1. Гумусированный слой, мощность до 0,7 м.
2. Желтая глина, мощность до 0,45 м.
3. Темно-бурая глина, мощность 0,9 м.
4. Желто-рыжая глина, мощность до 0,25 м.
5. Щебеночный слой, лежащий на скальном основании, мощность до 0,15 м.

Культурные остатки найдены в гумусированном слое до 0,7 м глубины: 2 отщепа и 27 фрагментов керамики бронзового и раннего железного веков. Вместе с ними найдены разбитые кости.

В слоях, лежащих ниже, находились лишь редкие неопределимые обломки костей. Отсутствие палеолитических остатков в этом гроте удивляет, поскольку в менее удобном Зотинском I гроте они многочисленны.

Приведенный выше фактический материал позволяет перейти к некоторым обобщениям. Прежде всего постараемся в общих чертах реконструировать ландшафтную и климатическую обстановку, в которой обитало население, оставившее описываемые памятники. Для этой цели анализ остеологического материала можно проводить, не подразделяя его по памятникам, так как в видовом составе млекопитающих из гротов Зотинский I и Безымянный нет принципиальных различий. Не обнаружено ни одного типично лесного вида, все обнаруженные животные — либо обитатели открытых пространств, либо имеют интёзональное распределение. Это свидетельствует о преобладании на данной территории в позднем плейстоцене безлесных пространств и отсутствии, по крайней мере крупных, лесных массивов. Примерно равное число бореальных и южных видов (судя по их современному расположению) говорит о крайне своеобразном климате. Его гипотетическая характеристика дана в ряде работ. Главные особенности этого климата — сухость и холод. Таким климатом должен был обладать ландшафт, сочетавший в себе элементы лесостепи и лесотундры.

Данные по фауне, обнаруженной в палеолитических слоях гротов Безымянный и Зотинский I, подтверждают эти выводы. Особенно интересны в этом смысле находки сайги. Одним из главных лимитирующих факторов ее распространения служила глубина снежного покрова. Ныне сайга не обитает в районах, где снежный покров превышает 30 см¹¹. Скорее всего, такая закономерность имела место и в древности. Использование данных о находках костей сайги для характеристики древнего климата правомочно при условии, что мы не сталкиваемся со случаем летней откочевки этих животных севернее основного ареала. Такие сезонные миграции характерны для сайги в настоящее время и, вероятно, происходили в прошлом. Находки костей сайги в отложениях позднеплейстоценового возраста на Северном Урале¹², как нам кажется, служат надежной гарантией включения Среднего Урала в основной ареал сайги в это время. В противном случае пришлось бы допустить, что стада сайгаков совершали колоссальные по расстояниям сезонные миграции, которые невозможно объяснить никакими естественными причинами.

Представления о незначительном количестве, по крайней мере зим-

них, осадков подтверждают находки костей лошади и северного оленя — животных, которые зимой добывали себе корм из-под снега и не могли обходиться вспомогательными кормами.

Палеофаунистический материал дал сведения о природном окружении палеолитических людей, он же поможет нам выяснить вопрос о формах хозяйства. В соотношении остатков разных видов (как по количеству костей, так и по минимальному количеству особей) в палеолитических слоях гротов Безымянный и Зотинский I обращает на себя внимание явное преобладание двух видов — лошади и северного оленя. В условиях открытых ландшафтов охота на этих крупных стадных животных была, вероятно, наиболее эффективна загонном. Особенно убедительные материалы в пользу этого дает памятник в гроте Зотинский I. Лошадь — один вид из десяти, обнаруженных там, составляет 63% по количеству найденных костей. По минимальному количеству особей (34%) этот вид также занимает первое место, значительно превосходя другие. Костей северного оленя меньше (18% количества костей и 15% минимального количества особей), но доля его в добыче первобытных охотников, вероятно, была высока и совершенно несравнима ни с одним из остальных видов. В гроте Безымянный преобладание лошади и северного оленя, правда, не столь громадно (58% количества костей и 32% минимального количества особей), хотя северного оленя здесь больше, чем лошади. Но остальное (42 и 68%) приходится на десять других видов. Эти соотношения также свидетельствуют о явном преобладании охоты на крупных стадных животных.

Факт абсолютного преобладания лошади в добыче охотников из грота Зотинский I требует объяснения. В связи с этим можно заметить, что, судя по соотношению разных костей этого вида, туши лошадей приносились в грот целиком. Это же можно сказать и о северном олене.

То обстоятельство, что грот Зотинский I, явно не самое удобное убежище охотников, содержит так много остатков охоты, требует объяснения. То, что грот Колпаковский, расположенный в 1,5 км от Зотинского I, имеющий ту же экспозицию, несколько большие размеры и более ровный пол, не был заселен палеолитическими охотниками, наталкивает на мысль, что Зотинский I имел какое-то более существенное преимущество. Это преимущество, на наш взгляд, заключалось в том, что он находился близ места добычи животных. Грандиозная, отвесно обрывающаяся к реке скальная гряда, в западной оконечности которой находится Зотинский I грот, вероятно, служила удобным местом, куда загоняли стада лошадей и северных оленей древние охотники. Мысообразная форма скалы делала ее своеобразной ловушкой для животных. Охотникам стоило перекрыть с одной стороны выход с нее, и добыче оставался только один путь в обрыв. При таком способе охоты ближайшим местом, где можно было укрыться от непогоды, разделать туши, был грот, названный нами Зотинским I. Нам кажется, это и есть наиболее приемлемое объяснение большой насыщенности костями животных столь мало пригодного для обитания грота и преобладания в нем костей стадных животных. Подобным же обра-

зом объясняется и обилие материала в Медвежьей пещере, так как «местность, где находилась стоянка, имела для охотников особую привлекательность. Здесь, у края плато, отвесно обрывающегося к лого, можно вести загонную охоту»¹³.

Раскопанные нами гроты по своей сути мало отличались от пещерных памятников, изученных на Урале в значительном количестве¹⁴. Как известно, археологический материал, накопленный при исследовании пещер на всей территории Урала, дает стабильную картину временных остановок небольших групп людей. Получить полное представление о ходе исторического развития в эпоху палеолита на Урале из-за скудости фактов, которые дают раскопки пещер, нельзя. Допустить же, что культурные остатки, найденные в пещерах, появились там в результате сложной многообразной деятельности тогдашних обитателей Урала, невозможно. Это подтверждается бесспорными фактами: малое количество или полное отсутствие изделий из камня, следы кратковременных очагов и эпизодичность пребывания. Это вполне объяснимо: уральские пещеры в большинстве своем имеют очень маленькие входные гроты с низким потолком. Они к тому же, как правило, сырые. Посещение пещер, нам кажется, диктовалось суровой необходимостью: группе людей проще было устроиться на короткий период в пещере, даже неудобной, чем разбивать лагерь под открытым небом. Чаще всего в качестве побуждающих к этому причин, видимо, были погодные условия или же, как мы видим из примера Зотинского I грота и, возможно, пещеры Медвежьей, определенные виды хозяйственной деятельности.

Отсюда следует, что весьма специфические, повторяющиеся по своим показателям и составным компонентам культурные отложения пещер свидетельствуют об относительно густом населении Урала в верхнем палеолите. Именно значительное количество человеческих коллективов вело к тому, что малоудобные для жизни пещеры тем не менее посещались. Это явление, как показывают раскопки, было характерным для всей территории Урала.

Можно констатировать также, что традиция длительного обитания в пещерах у верхнепалеолитического поселения Урала отсутствовала.

Подтверждением гипотезы о многочисленности населения на Урале может служить следующее соображение. Известно, что наряду с кратковременными пещерными памятниками имеются такие яркие феномены, как живопись Каповой пещеры и костяной комплекс из грота Безымянный. Эти факты как бы противостоят другим или даже находятся с ними в противоречии. Но это противоречие легко снимается, если допустить, что гипотеза о достаточно густом палеолитическом населении Урала верна.

Гипотеза о многочисленном населении на Урале в верхнем палеолите важна не сама по себе. Она дает основание ставить вопрос об усилении поиска верхнепалеолитических памятников вне пещер, а также о разработке методики поиска памятников, учитывающей специфику позднечетвертичных отложений Урала.

Как показывают раскопки послепалеолитических памятников, чаще всего расположенных на озерах Южного и Среднего Урала, четвертич-

ные отложения очень маломощны и включают в себя, часто в смешанном состоянии, культурные остатки эпох от мезолита до железного века. Открытие палеолитического памятника на озере Карабалыкты¹⁵ показывает, что традиция поселения на озерах очень древняя. Надо думать, что интенсивные разведки позволят открыть озерные палеолитические памятники в значительном количестве. Что же касается памятников, связанных с речными долинами, которые, видимо, также есть на Урале, то это, как нам кажется, сегодня менее перспективный путь поисков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М. В. Талицкий. Палеолитическая стоянка на р. Чусовой.— БКИЧП, № 6—7, 1940; С. Н. Бибииков. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала.— СА, XII, 1950.

² О. Н. Бадер. Первоначальное заселение Урала и Волгокамья человеком.— УЗ ПГУ, 1947, т. 5, вып. 2; Он же. Археологические памятники Тагильского края.— УЗ ПГУ, 1953, т. 8, вып. 2; Он же. Основные этапы этнокультурной истории и палеографии Урала.— МИА, № 79, 1960; Он же. Следы палеолита на Южном Урале. Уфа, 1961; Он же. Новые палеолитические местонахождения в пещерах Урала.— АЭБ, 1964, т. 2; Б. И. Гуслицер, В. А. Канивец. Пещеры Печорского Урала. М.—Л., 1965.

³ Г. А. Максимович. Основы карстоведения, т. 1. Пермь, 1963.

⁴ Ю. Ф. Гебауэр. Заметка о некоторых костеносных пещерах на берегах реки Пышма.— «Горный журнал», 1880, т. 2.

⁵ О. Н. Бадер. Археологические памятники Тагильского края.— УЗ ПГУ, 1953, т. 8, вып. 2; В. Д. Викторова. Археологические исследования по рр. Реж и Нице.— ВАУ, вып. 2, 1962; В. Т. Петрин. Археологические разведки в пещерах Урала.— ВАУ, вып. 12, 1973.

⁶ М. И. Гевирц. Пещеры Алапаевского карстового района.— В сб.: Пещеры, вып. 3, 1963, Пермь; Он же. Пещеры Режевского карстового района.— Там же, вып. 4 (5), 1964.

⁷ В. Т. Петрин. Археологические разведки в пещерах Урала.

⁸ С. Н. Бибииков. Пещерные палеолитические местонахождения..., с. 79.

⁹ В. Я. Толмачев. Древности Восточного Урала.— ЗУОЛЕ, т. 32, вып. 1, Екатеринбург, 1913, с. 216.

¹⁰ В. Т. Петрин, Н. Г. Смирнов. Палеолитический памятник в д. Шикаевка на правобережье р. Тобол.— ВАУ, вып. 13, 1974.

¹¹ А. А. Слудский. Сайгак в Казахстане.— «Тр. ин-та зоологии АН Казахской ССР», 1955, вып. 4.

¹² И. Е. Кузьмина. Формирование териофауны Северного Урала в позднем антропогене.— В кн.: Материалы по фаунам антропогена СССР. Л., 1971.

¹³ Б. И. Гуслицер, В. А. Канивец. Пещеры Печорского Урала, с. 121.

¹⁴ С. Н. Бибииков. Пещерные палеолитические местонахождения...; О. Н. Бадер. Основные этапы этнокультурной истории...; Он же. Следы палеолита на Южном Урале; Он же. Новые палеолитические местонахождения в пещерах Урала; Б. И. Гуслицер, В. А. Канивец. Пещеры Печорского Урала.

¹⁵ О. Н. Бадер, Г. Н. Матюшин. Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале.— СА, 1973, № 4.